

Тёплые брызги обожгли угол рта Гу Вэя.

Его бледное, словно омытое лунным светом лицо замерло в колеблющихся отблесках.

Багровые языки пламени, вскормленные кровью, яростно метались, лижа его тонкие, обманчиво-кроткие черты.

Взвешенные в воздухе алые капли оседали на белоснежной ткани рубашки, будто штрихи кисти художника, оживляющие застывшее полотно.

Кровь преобразила юношу — теперь он походил на восставшего из преисподней повелителя демонов, источающего первозданное зло.

Гу Вэй кончиком языка слизнул кровь с губ и хищно, медленно улыбнулся.

Вокруг внезапно воцарилась тишина.

Прерывистый хрип утих, но его тут же сменил омерзительный, режущий слух скрежет — словно когтями драли по дну котла.

— С чего мы вообще должны его слушать?

— Он нас стравливает!

— Точно, он нас обманул!

— Убить его!

Безумным призракам было плевать, кто перед ними — хоть сам владыка преисподней, страха они не ведали.

Воздух вокруг закружился в бешеном вихре, накатила душная, обжигающая волна.

Гу Вэй отступил на полшага и замер.

Плечи придавила невероятная, неподъёмная тяжесть: бесплотные твари, толпясь и карабкаясь друг на друга, навалились на него.

Гу Вэй согнулся под этим весом, он бессильно опустил голову.

Казалось, на спину ему взвалили целую гору.

Запястья стянуло до крови. Ткань рукавов медицинского халата впилась в кожу; он растопырил пальцы, отчаянно пытаясь разорвать путы, но всё тщетно — узел затянулся намертво.

Но тварям этого было мало: с утробным воем они силились пролезть прямо сквозь поры, врасти в его плоть.

— Разве нельзя просто разбить это зеркало? — Чжун Лю зажал ладонью один глаз, а вторым с надеждой уставился на И Цяньваня. — От их визга с ума сойти можно. Уши раскалываются.

На самом деле помощник директора впервые оказался в роли безвольного зрителя, не имеющего права вмешиваться. Он не мог равнодушно смотреть на кошмар, который видел уже сотни раз. И с содроганием думал о том, какое чудовище явится в этот мир, когда твари внутри зеркала закончат свою трапезу.

И Цяньвань не ответил.

Он неподвижно стоял, опустив взгляд на зеркальную гладь.

Бокал с рубиновым вином в его руке давно застыл нетронутым.

Тяжесть сгибала Гу Вэя всё ниже и ниже, едва не прижимая к полу. По его гладкому лбу катился холодный пот.

Вцепившиеся в него твари торжествующе взвыли.

Этот человек обречён.

Они вырвутся на свободу!

Наконец-то они выберутся отсюда!

Остался один, последний натиск.

Они выпускали мерзкое, клокочущее шипение, делясь триумфом друг с другом.

Их пиршество началось ещё до победы.

Кровь из запястий пропитала рукава белого халата багровыми пятнами.

Гу Вэй стоял, низко опустив голову, но яростное желание видеть происходящее затмило всё остальное.

Кровь в его жилах побежала быстрее, пробуждая в глубине тела нечто спящее, запечатое волевым приказом. Разум, словно повинувшись невидимому импульсу, выбросил в пространство тысячи невидимых сенсорных нитей, мгновенно выстроив в воздухе прочный призрачный мост.

Информационный мост потянулся вовне, нащупывая контакт.

Установленная в углу камера видеонаблюдения медленно повернулась, словно подчиняясь чужой воле. Она перешла на его сторону.

И в то же мгновение Гу Вэй увидел под собой тёмный пол.

В ту же секунду всё вокруг содрогнулось.

Эта дрожь прокатилась по всему зданию.

Словно кто-то подкопал самый фундамент, лишив постройку опоры.

Внутри здания испуганные знаменитости растерянно переглядывались.

Ведущий и силач сжали в руках своё нехитрое снаряжение, готовые к худшему.

— Что же там происходит с братом? — с тревогой в голосе пробормотал Чжуан Чжуан.

В комнате начали едва заметно раскачиваться тяжёлая люстра, диван и ростовое зеркало.

Сама атмосфера неуловимо, но бесповоротно менялась.

Система на долю секунды ослепла.

Огромное пространство будто застыло на паузе, погрузившись в серый анабиоз.

Мир в зеркале

Придавленный к полу Гу Вэй резко вскинул голову. С его виска сорвалась капля пота и, описав в воздухе дугу, канула в огонь, с тихим шипением испарившись.

Он медленно выпрямился во весь рост.

Облепившие его твари градом посыпались на пол.

Сброшенные навзничь призраки ошеломлённо замерли.

Гу Вэй поднял голову. На его губах играла едва заметная, дерзкая усмешка. Облитый чужой кровью, он выглядел пугающе и притягательно. И хотя его глаза всё ещё были плотно завязаны галстуком, он отчётливо видел мир перед собой!

Правда, ракурс казался весьма непривычным.

Словно он смотрел на происходящее откуда-то из-под самого потолка.

В этой беспросветной тьме объектив камеры послушно поворачивался вслед за его мыслями, меняя угол обзора.

«А ведь забавная штука», — подумал он с лёгким удивлением.

На душе у него потеплело.

Внезапно он заметил яркое свечение — бушевало яростное пламя.

В самом кольце этого костра толпились призрачные фигуры, перепачканные запекшейся кровью.

Разглядев тех, кто только что пытался его растерзать, Гу Вэй на мгновение оцепенел.

Все эти люди были знаменитостями, бесследно сгинувшими здесь три года назад.

Камера скользила по их лицам — некогда известным всей стране, часто мелькавшим на экранах телевизоров.

Среди них были признанные мастера уличных танцев, некогда собиравшие стадионы.

Теперь же от них остались лишь полупрозрачные, зыбкие тени.

Они качались из стороны в сторону, словно неприкаянные сомнамбулы.

Временный сбой Системы на миг вернул им крупницы рассудка.

Они ошеломлённо уставились на новичка, который шутя раскидал их всех в одиночку.

— Попробуйте выбраться сами, у кого как получится. А если не выходит, разнесите к чертям эту клетку, в которой вас заперли.

— Но вы вместо этого решили жрать своих же. Какая доблесть, браво.

Его чистый, звучный голос эхом разнёсся над пламенем, проникая в самое сознание несчастных душ.

Не будь его руки стянуты за спиной, он бы непременно иронично зааплодировал самому себе.

Один из них, признанный и уважаемый старый предшественник, поднял дрожащие, прозрачные ладони, прикрыл бледное лицо и горько усмехнулся.

— Разбить? — со вздохом произнес старик. — Если бы это было так просто...

Проведя столько времени в этой беспросветной бездне в облике бездумных чудовищ, они наконец-то получили передышку.

Из иссушенных глаз старика уже не могли течь слёзы. Он поднял взгляд и с глухой ненавистью спросил:

— Этот ублюдок Цянь Давэй... он всё ещё заманивает сюда живых людей?

— А то как же, — усмехнулся Гу Вэй. — Иначе как бы я тут оказался?

Кровь на его белой рубашке быстро подсыхала от жара костра. Он повернулся к старику:

— Не переживайте. Этого гада я беру на себя. Обожаю возиться с дряхлой мразью, потерявшей человеческий облик.

Затем он скользнул взглядом в сторону старого мастера.

Камера слежения послушно кивнула объективом вверх и вниз, подтверждая его слова.

Лицо старика исказилось в жутковатой гримасе — он явно пытался улыбнуться, но столь простое человеческое движение давалось ему с нечеловеческим трудом.

— Если когда-нибудь выберешься отсюда... проживи эту жизнь и за нас тоже, — напутствовал старик. — Прости нас за то, что было. Мы себя не помнили.

Он печально опустил голову, сиюсь сохранить остатки улыбки:

— Жизнь без чести и достоинства хуже смерти... Спасибо тебе, парень.

С этими словами старый предшественник шагнул прямо в бушующее пламя.

Языки пламени со свистом взметнулись к потолку.

Вслед за вожаком остальные тени без колебаний потянулись в огонь.

Под нескончаемый хор тихих извинений призраки один за другим исчезали в костре, раздувая его до небес.

Костёр, который грел их в этой вечной мерзлоте, стал их общим склепом.

Три года мучений завершились в одно мгновение долгожданным освобождением.

По мере того как таяли последние тени, Мир в зеркале заходил ходуном, грозя вот-вот рассыпаться в пыль.

Вдруг прямо возле уха раздался отчетливый звон — резкий, чистый звук разбитого стекла.

Гу Вэй повёл ухом.

Он скользнул взглядом в сторону...

Его разум мгновенно перепрыгнул с одной камеры на другую, ведомый чистым чутьём, пока не зацепился за нужную линзу.

Перед ним открылся вид сверху на какую-то комнату.

На ковре лежал опрокинутый бокал, из которого растекалась густая багровая лужа.

Картина выглядела зловеще.

Объектив чуть приподнялся, и в кадр попало лицо мужчины, смотрящего прямо вверх.

Это был И Цяньвань.

Обычно равнодушный, холодный взгляд карих глаз Киноимператора вдруг дрогнул — ледяной панцирь с треском раскололся.

Столько в его глазах было нежности... Такой искренней теплоты он не показывал ни в одной из своих великих ролей.

Гу Вэю это показалось забавным.

Он слегка склонил голову набок, ухмыльнулся и провёл языком по губам.

«Ты так смотришь... можно подумать, эта Система — твоя благоверная», — усмехнулся про себя Гу Вэй.

Но уже в следующую долю секунды его сознание грубо вышвырнуло из сети.

Перед глазами снова сомкнулась привычная тьма.

Дрожь прекратилась, мир вокруг снова замер.

Чжун Лю сам не заметил, как убрал ладонь от лица.

— Как он это сделал?! — изумлённо выдохнул Чжун Лю, вытаращившись на полыхающий в зеркале костёр. — Это же бред какой-то! Против законов физики!

Да и кто вообще способен совладать со сверхъестественной тварью, ведомой потусторонней силой?

— И про кого это он? Какая ещё жена?

Мир по ту сторону зеркала и реальность существовали обособленно друг от друга, границы между ними оставались нерушимыми. Но в этот раз случилось исключение: аномалия выбрала зеркало в спальне И Цяньваня в качестве проводника, что дало Киноимператору и его спутнику, игравшим роли персонажей постановки, неоценимое преимущество.

Обречённый в зеркале не подозревал об их присутствии, тогда как они могли отчётливо видеть и слышать каждое его движение и вздох.

Слова Гу Вэя не укрылись от слуха Чжун Лю.

Однако ответом ему была тишина.

Помощник директора обернулся и только тут заметил неладное.

Заворожённый разворачивающейся драмой, он даже не обратил внимания на глухой стук упавшего бокала.

— Брат, ты как? Всё в порядке?

И Цяньвань тяжело опирался обеими руками о столешницу, и его пальцы мелко, неудержимо дрожали, словно от глубокого потрясения.

Он медленно повернул голову к Чжун Лю.

У того панически забилась жилка на виске, и он невольно отшатнулся.

Что это был за взгляд!

Вне Системы Киноимператора все считали нелюдимым и неприступным гордецом.

Но Чжун Лю, будучи безрассудным новичком, с самого первого дня пребывания здесь искал любой возможности сблизиться с ним.

К счастью, спустя год ему улыбнулась невиданная удача — он вытащил счастливый билет и заслужил право находиться рядом со звездой, называть его братом и перекидываться парой слов.

Но сейчас, под этим леденящим взглядом, Чжун Лю показалось, что все его труды пошли прахом.

Нет, стало даже хуже, чем при их первой встрече.

Поняв, что дело пахнет керосином, Чжун Лю поспешил ретироваться:

— Ой, я тут вспомнил... мне это... приспичило, в общем. Побегу я в уборную. Ага, срочно надо.

Щёлкнул дверной замок.

В комнате воцарилось одиночество.

И Цяньвань выпрямился, заставляя себя успокоиться.

Он повернулся лицом к объективу скрытой камеры и прижал палец к правому уху. При близком рассмотрении можно было заметить крошечную телесную мембрану микронаушника, практически сливающуюся с кожей.

— Эйли, — позвал он, устремив взгляд на камеру. В его ставшем мягче голосе сквозило отчаянное, едва сдерживаемое предвкушение. — Это... это был он?

Комната пустовала.

Здесь не было ни души.

И Цяньвань вел беседу с невидимым собеседником через беспроводной передатчик.

В помещении не осталось слепых зон — камеры фиксировали каждый его шаг.

Любой, кто оказывался внутри, находился под неусыпным надзором Системы.

Выставив Чжун Лю, И Цяньвань даже не пытался скрываться от объективов. Сама же Система никак не реагировала на его действия.

В динамике послышался тихий женский голос, прозвучавший с явным сомнением.

«Нет. Это не он»

Он сильнее впился пальцами в ухо, красивое лицо помрачнело.

«Я понимаю, что сейчас его взгляд до боли напомнил вам Кейсона»

«Но это не он»

«Будь это Кейсон, он не развивался бы так медленно на протяжении трех лет»

«Вам ведь лучше всех известно, насколько он был гениален»

— Вот как... — И Цяньвань опустил взгляд.

Эйли говорила уверенно, но в её интонациях сквозило колебание.

«Всё, что я говорила вам до этого момента — лишь прежние выводы. Но сейчас... признаться, я сама уже ни в чём не уверена. Простите, у меня нет точного ответа»

«Похоже, Система подверглась какому-то мощному импульсу, внешнему раздражителю. Её темпы роста резко возросли. Она словно куда-то торопится»

— Раздражителю?

«Именно. Знаете, это сродни человеческой природе. Система способна интуитивно тянуться к одним людям и видеть смертельную угрозу в других. Назовите это шестым чувством. Похоже, сейчас она переживает именно такой кризис»

И Цяньвань по привычке потянулся к шее, желая ослабить галстук, но вовремя вспомнил, что тот давно снят.

Он поднял взгляд на зеркало.

Огонь по ту сторону стекла медленно угасал.

«Дайте мне немного времени, — добавила Эйли. — Я выясню, что послужило катализатором»

<http://bllate.org/book/18225/1752053>